

РЕЦЕНЗИИ

А.Г. ГЕРЦЕН, Ю.М. МОГАРИЧЕВ

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИИ ТАВРИКИ ИКОНОБОРЧЕСКОГО ПЕРИОДА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ Х.-Ф.БАЙЕРА

В 2001 г. В издательстве Уральского университета вышла объемистая (более 34 учетно-издательских листов) книга австрийского филолога-грециста (так определяет свой род занятий сам автор) Х.-Ф.Байера "История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро". Естественно, у нас, исследователей средневековой истории Крыма, появление каждой новой работы по данной проблеме вызывает огромный интерес. Особенно если эта работа принадлежит перу ученого из дальнего зарубежья и, соответственно, отражает уровень представлений по различным проблемам крымской медиевистики наших западных коллег. Впечатляет широкий охват вопросов прямо или косвенно относящихся не только к проблемам изучения крымских готов, но и в целом к позднеантичному и средневековому периодам истории Северного Причерноморья.

Структурно монография Х.-Ф.Байера состоит из трех частей – истории крымских готов (с. 1-282), текста с переводом поэмы иеромонаха Матфея (с. 282-310) и добавлений (с. 311-397).

Несомненно, наиболее интересной и ценной является вторая часть. Здесь автор публикует снабженный подробными комментариями греческий текст и перевод поэмы иеромонаха Матфея "Сказание о городе Феодоро". Хотя этот источник и не является новым, его изложение содержится в известной монографии А.А.Васильева "The Goths in the Crimea" (1936) и статье самого Х.-Ф.Байера (1995), но первую публикацию непосредственно текста на русском языке стоит только приветствовать. И если бы Х.-Ф.Байер ограничился только этим сюжетом, то его работу можно было бы назвать одной из лучших в современной крымской медиевистике.

Однако автор решил подойти к вопросу куда более широко и фактически взялся повторить путь, пройденный А.А.Васильевым, дав свою интерпретацию истории крымских готов.

Вызывает удивление раздел "Добавления". Можно предположить, что когда первоначальный текст монографии был уже готов и сдан в печать, автор узнал о новых материалах, работах и решил дополнить монографию. Но крайне странно, когда подобные добавления

составляют 30% от объема основного текста (имеется в виду первая часть, так как дополнения содержатся только к ней). Не разумнее было бы не спешить с изданием и включить "Добавления" в основной текст, благо современная компьютерная техника позволяет это быстро и качественно сделать. Тогда наверняка автор увидел бы ряд допущенных им серьезных противоречий, порой прямо противоположных суждений, содержащихся в первой и третьей частях монографии (об этом ниже). В настоящем же варианте бросается в глаза неуважительное отношение Х.-Ф.Байера к своим читателям, когда приходится, читая основной текст, постоянно заглядывать в "Добавления", при этом пытаюсь понять, что же все-таки хотел сказать автор и чему стоит больше доверять – написанному в первой или третьей части.

Отметим также, что данный источник, название которого вынесено в заголовок книги, не содержит даже намека на готов.

Как отмечает научный редактор книги А.И.Романчук, "Х.-Ф.Байер впервые после хорошо известной работы А.А.Васильева анализирует целый комплекс источников, полемизируя при этом со многими крымскими историками" (с. XIII). Со времени выхода в свет известной, без преувеличения можно сказать, фундаментальной работы А.А.Васильева в крымской медиевистике накоплен обширный археологический и эпиграфический материал. Вышли в свет сотни новых исследований и, естественно, если автор решил выступить с новой версией истории крымских готов, то он обязан был ознакомиться с этим новым материалом и учесть его в своей работе, как, например, это сделал А.И.Айбабин в монографии по этнической истории ранневизантийского Крыма [1999]. Однако ознакомление с работой Х.-Ф.Байера позволяет сделать однозначный вывод, что автор практически не владеет (часто не знает о его наличии) археологическим материалом и не вполне знаком с новыми эпиграфическими находками. Более того, он упустил многие важные работы по затронутым им проблемам. Например, даже не упоминается классическая работа А.Л.Якобсона "Средневековый Крым" [1964], ставшая заметной вехой в крымоведении. Не знаком Х.-Ф.Байер и с монографией И.С.Пиоро, хоть она и называется "Крымская Готия" и вышла в 1990 г. в Киеве тиражом 3000 экз. Размышления об этнической ситуации в раннесредневековом Крыму выдают явное незнание автором работы А.И.Айбабина, содержащей полную сводку о раннесредневековых могильниках [1990]. В тексте имеется о ней упоминание, но через ссылку на нашу работу, где на с. 344 ошибочно указаны выходные данные, также неверно делает ссылку и Х.-Ф.Байер. Он не знаком с уже упомянутой монографией этого же автора, вышедшей в 1999 г., где подробно рассматриваются многие затронутые Х.-Ф.Байером проблемы. Примеров таких пробелов в его информированности можно привести множество.

Конечно, автор основательно поработал с письменными источниками. Вероятно, он в совершенстве владеет греческим и латинским языками, но так как со времен А.А.Васильева новых нарративных источников практически не прибавилось и учитывая отмеченное выше, монографию Х.-Ф.Байера следует признать претенциозной и неудачной попыткой превзойти труд А.А.Васильева.

Отсутствие у автора соответствующей методологии сделало его работу больше похожей на заготовку материала для написания беллетристического произведения на историческую тему. Здесь присутствуют все характерные для этого литературного жанра компоненты.

Чего стоят, например, многочисленные философско-литературные эссе. Такие как о иконоборчестве (с. 60-61), о несоответствии обрезания правам человека и проявляющегося после отсечения крайней плоти излишнего эротического автоматизма (с. 80-81), о еврейских и племенных интересах (с. 84), о преимуществе различных философских доктрин (с. 119-128), о панической боязни хазар перед обрезанием и их бегстве в Византию (с. 129-130) (в последнем случае автор особенно прочувственно живописует мучения мужского населения Хазарии, преследуемого “бесстыдными исполнителями культа”), о достоинствах “Слова о полку Игореве” (с. 152-154), о мучительных сомнениях на Вселенском соборе в Никее монаха из Готии Кирилла (об этом подробнее ниже) (с. 52-53) и другие, не менее эмоционально экзальтированные пассажи. Так, не удержался автор и от комментирования событий евангельской истории. Он уличил христианских богословов в неверии в истинность пророчества Иисуса о конце мира и, таким образом, внес свой вклад в непростую проблему историчности Христа (с. 88-89).

Поражает рецензируемое сочинение и рядом исторических “открытий”. Упомянем, например, о появлении хазар (sic!) в Крыму в 80-х гг. VI в. (с. 42), о существовании отдельной Хазарии в степном Крыму (с. 357), об успехах миссионерской деятельности херсонских церковных иерархов в крещении ими, при этом, местных евреев¹ и др.

Присутствует в работе и обычно присущая произведениям литературно-исторического жанра безапелляционность в оценке работ других авторов, вплоть до политических обвинений (вспоминается борьба в СССР с безродными космополитами, морганистами-вейсманистами, “марровщиной” и т.д.). Например, об антиготской направленности книги (речь идет о монографии “Готы в Крыму”) “эмигранта из Советского Союза А.А.Васильева, старавшегося лишить все свидетельства, начиная с XIII в. и более поздние, достоверности” (с. XV); М.Г.Крамаровский осуждается за то, что “высказывается ... одним положением презрительно о представителях трех народов – русских производителей, половецких победителях и готских “дамах”, лишая, кроме того, русское золото блеска, которое оно имело, очевидно, на протяжении веков” (с. 155); К.Цукерман уличается в неправильном понимании причинно-следственных связей и приверженности к “неправильным” философским концепциям (с. 128) и др. Эти “убийственные” обвинения в адрес уважаемых специалистов, на деле доказавших свою компетентность, можно вероятно объяснить как несовершенным знанием австрийским филологом русского языка, так и слабым владением фактическим материалом, в результате чего были смещены акценты критики.

Плохое знание географии Крыма и его средневековых памятников наглядно демонстрируют рассуждения автора по поводу поселения на горе Бойка (с. 137-138). Основываясь на обзорной статье О.И.Домбровского [1968], содержащей лишь предварительные результаты обследования этого огромного археологического комплекса и весьма приблизительную его датировку, делается вывод о том, что эта крепость предназначалась для защиты от печенегов! Достаточно посмотреть на топографическую карту и сопоставить

¹ В данном случае Х.-Ф.Байер ссылается на Киево-Печерский Патерик. Однако в тексте источника (1991, с. 147-150) говорится, в основном, об убийствах евреев и их изгнании из Херсона в связи с конкретными событиями “губили жидов и изгоняли их из греческого града Корсуня” (с. 149). И только между прочим кратко упоминается, что “прочие же жиды ... крестились” (с. 149-150) (См также: Литаврин 1999). Таким образом, успехи херсонской церкви в приобщении местных евреев к почитанию Христа являются ни чем иным, как историческим “открытием” Байера.

данные письменных источников (об археологических и речь не идет), чтобы убедиться в том, что степнякам в этом глухом районе горной Таврики нечего было делать.

Много места г-н Байер уделит и критике, часто незаслуженно резкой и некорректной, наших взглядов на проблемы истории Таврики иконоборческого периода (с. 47-70; 336-361). В частности, он скрупулезно отметил все имеющиеся опечатки², впрочем, это один из упреков, который приходится бесспорно принять. Мы колебались, стоит ли отвечать на менее приемлемые выпады. С одной стороны, учитывая отмеченную выше жанровую неопределенность издания и его малый тираж, всего 300 экземпляров, можно было бы все это и "не заметить". Но с другой, в работе, как отмечалось, присутствует раздел, который наверняка привлечет читателей. Кроме того, надо думать, автор попытается изложить свои выводы в научной литературе дальнего зарубежья. Необходимо также учитывать и менталитет ряда отечественных читателей, привыкших считать все написанное западными исследователями святой истиной. Поэтому мы решили все же подготовить рецензию. Однако, объект ее содержит такое количество заслуживающих внимания сюжетов, что рецензия по объему должна быть не меньше рецензируемой работы. Поэтому в настоящей публикации будут рассмотрены только те разделы рецензируемой монографии, в которых имеется критика наших взглядов. Мы также уверены, что свои замечания выскажут и другие авторы, специалисты по различным затронутым г-ном Байером вопросам.

Итак, стрелы критики Байера направлены, в основном, против предложенной нами гипотезы преобладания иконоборческих настроений в Крыму, времени появления Готской епархии и некоторых вопросов, связанных с личностью и деятельностью Иоанна Готского. Источником для этого послужили статья "О времени возникновения готской епархии в Таврике" [1991] и тезисы конференции в г. Херсоне [1990]. И только в "Добавлениях" появляется ссылка на более позднюю работу "К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в." [1999]. При этом в упомянутых Байером публикациях многие наши взгляды изложены в тезисной форме, что позволяет ему весьма произвольно толковать наши рассуждения и выводы. Что же касается других статей [1991; Могаричев 1992], где многие положения раскрываются более подробно, в том числе опубликованной и в сборнике "Античная древность и средние века" [1992], издающемся, как и книга г-на Байера, Уральским университетом, то автор с ними просто не знаком.

Представляется, что в основе многих ошибочных представлений г-на Байера лежит тезис о том, что Крым постоянно, начиная с IV в., был центром Готии и именно здесь, на Боспоре, находилась резиденция первого готского епископа Унилы (Вульфилы) (с. 31-32). При этом игнорируется однозначное утверждение Иордана, что деятельность этого легендарного епископа относится к области малых (мезийских) готов [1997, с. 112]. И далее на с. 95-96 безапелляционно утверждается, что в содержащемся в паннонской легенде перечне народов, исповедующих христианство, упоминаются готы, под которыми

² Опечаток, если это действительно опечатки, а не авторские ошибки, достаточно и в работе Байера. Например, населенный пункт Дружное у автора "Дружное" (с. 15), В.А.Сидоренко стал А.Сидоренко (с. 40), В.Ф.Мещеряков – Мещеряком (с. 345), а А.Л.Якобсон спутан с Р.Якобсоном (с. 76, 472) и др. Мы не указываем немалое количество слов с перепутанными буквами. Неладно и с датами. Так, например, неправильно указаны годы двух эпизодов из жизни Феодора Студита, соответственно 895 и 897 гг. (с. 69), хотя, как известно, Феодор скончался в 826 г.

Константин Философ якобы мог понимать только готов крымских [более подробно см.: Айбабин 1999, с. 77-78].

На с. 47 г-н Байер делает крайне противоречивый вывод, что “во время иконоборчества Крым был одновременно местом ссылки и убежищем иконопочитателей”. При этом он приписывает нам сомнение по данному поводу (там же). Однако ни в одной работе мы никогда не возражали против тезиса, что во время иконоборчества Крым был местом ссылки. Более того, специально акцентировали на этом внимание и использовали для обоснования своих взглядов. Другое дело, что мы возражали против утверждения о том, что Крым был убежищем для иконопочитателей. Но, как говорят в Одессе, ссылка и убежище – две большие разницы. Ибо, если какая-либо область или провинция государства используется как место ссылки, то это указывает, что она принадлежит этому государству, здесь действуют его законы и сильна центральная власть. Если же эта область используется как убежище для оппозиционеров, то тогда наоборот, данная территория практически независима и здесь можно укрыться от законов и властей государства. Далее он приводит, со ссылкой на Ilse Rochow, два примера такой ссылки, замечая, что они не знакомы другим исследователям (с. 339). Если бы автор прежде чем делать подобные заявления ознакомился с русскоязычной литературой по данному вопросу, ему не надо было бы совершать такие “открытия”. Все примеры ссылки в Крым в период иконоборчества собраны в упомянутых наших статьях, неизвестных г-ну Байеру. Не говоря о том, что они приведены уже в работах “иконоборческого цикла” В.Г.Васильевского (да и других авторов). Однако, г-н Байер знаком только с одной – “Житием Иоанна Готского”. Ему осталась неизвестной статья “Житие Стефана Нового” [1912а], труд о Стефане Сурожском упоминается только через ссылку на А.А.Васильева (с. 73). Более того, уже в “Дополнениях” (с. 336-337) г-н Байер с удивлением сообщает о существовании Жития Стефана Нового, где имеется небольшой пассаж о якобы монашеской иммиграции в Крым (об этом ниже). А ведь именно на нем во многом и основывается “иконопочитательская” гипотеза, яростно защищаемая г-ном Байером и впервые изложенная в неизвестных ему трудах В.Г.Васильевского.

Интересно проследить за логикой рассуждений автора по данной проблеме. Сначала он излагает вышеупомянутое взаимоисключающее суждение. Далее (с. 48) он замечает: “Герцен и Могаричев предполагают, что “Таврика сохранила, по преимуществу иконоборческую позицию”. С этим можно даже согласиться в том смысле, что везде, где господствовало византийское государство, господствовало и иконоборчество. Но типично для этого времени то, что везде, где исповедовали православие вне империи ... выступали на защиту икон”. Далее, на основании Жития Иоанна Готского, он делает вывод, что Крым был иконопочитательским и, если следовать логике г-на Байера, не входил в границы империи. В “Добавлениях”, наконец-то познакомившись с Житием Стефана Нового, он соглашается с М.-Ф.Озепи, что информации этого Жития нельзя полностью доверять (с. 338). Более того, г-н Байер сообщает: “Строго говоря, даже из нее (информации Жития Стефана Нового) нельзя вывести бегства логически, как это так же невозможно из Жития Иоанна Готского, иконопочитателя, которого готы выбрали епископом в то время. Весьма вероятно только, что монахи под угрозой пыток ... послушали своего наставника и что Готия, где иконопочитание торжествовало, привлекла многих людей, подвергнутых в византийской империи гонениям” (с. 338). Но далее, на с. 339-342, он вновь возвращается к тексту

Жития Стефана Нового. Резко критикуя наш вывод, что Таврика не входила в зону влияния иконопочитателей он пишет: "... Такая неумеренная самоуверенность возмущает тех, кто имеет к источникам прямой доступ"³. Также для грециста трудно расшифровать сообщения Жития "...из-за смутных географических представлений. Но, кажется, указания Стефана Младшего ... были совсем понятны их современникам. ...Если говорить об областях от "Херсона, Боспора, Никопсиса", то это могло означать, что даже там беглецы должны быть осторожными, в особенности в Херсоне, городе ссылки, государственного преследования и заключения. Но близка к нему была Готия, а Боспора и Никопсиса императорская власть, по всей вероятности, не достигала⁴. Вопрос, который следует обратить к археологам, так как невозможно решить его филологией" (с. 341). Далее Байер делает вывод, что и археологические материалы ничего не доказывают, но "Вероятно, иконопочитатели в Крыму во время иконоборчества удовлетворялись почитанием переносных икон" (с. 342). Как говорится, и хочется, и колется... Поистине загадка, что же хотел сказать г-н Байер? Стоит доверять данным Жития Стефана Нового или нет, был ли Крым местом бегства иконопочитателей или нет, распространялась ли сюда императорская власть или нет? И все это сопровождается полетом бурной фантазии.

Вероятно, надо думать, что раз исследователь нас резко критикует, то он не согласен с нашими выводами и считает, что Крым и Готия, в частности, придерживались иконопочитательской позиции. При этом в пользу такой точки зрения, по мнению г-на Байера, свидетельствует только Житие Иоанна Готского и с некоторой долей вероятности Житие Стефана Нового. Данные археологии, по его мнению, не помогут.⁵

³ Вероятно, г-н Байер считает, что прямой доступ к источникам имеет только он, остальные же, надо думать ученые из бывшего СССР, сидели и сидят за колючей проволокой и ни с кем не общаются, и никуда не выезжают, да и читать разучились.

⁴ Как можно, особенно "имеющему прямой доступ к источникам", делать подобный вывод на основании источника (см. ниже). Там однозначно Херсон, Боспор, Никопсис, да и Готия упоминаются в одном контексте. Зачем в данном случае выдумывать того, чего нет, заводя в заблуждения и себя, и читателей.

⁵ Весьма интересна позиция г-на Байера в отношении к археологическим источникам. На с. XVI он пишет: "Что касается археологии, мы зависим полностью от исследований других. Если данные дополняются или чтение надписей исправляется, то мы должны были уточнить или даже изменить наши теории". Далее приводятся примеры работ М.Казанского, Н.А.Алексеевко, В.Л.Мыца, А.Ю.Виноградова и др. которые являются для него основополагающими. Однако, такое, казалось бы, взвешенное и осторожное отношение к этой группе источников, на деле оборачивается произвольным подбором тех из различных трактовок археологических материалов, которые импонируют автору, или же оказались ему доступными в силу случайных обстоятельств, например, исходя из его личных связей с тем или иным исследователем. На той же странице читаем: "Важнейшей для объяснения происхождения крымских готов оказалась работа Ф.Бирбрауера... Важными были и сообщения М.Казанского о готских захоронениях в районе Феодоро уже с середины III в., свидетельствующих о том, что тамошние готы были представителями сосредоточенной на территории Украины черняховской культуры". Однако, на с. 13 один из авторитетов подвергнут суровой критике: "...с другой стороны мы можем отказаться от агностицизма Бирбрауера, что якобы точная локализация бежавших на Запад остотов невозможна археологией, если они оставили там своими следами застежки и пряжки". При всем уважении к М.Казанскому, нельзя все же опираясь только на его мнение выстраивать собственное видение археологической картины расселения готов. Произвол г-на Байера в археологических штудиях хорошо виден на примере этнической интерпретации могильников южного берега Крыма. Здесь он берет на себя смелость поправить специалистов: "Могильники Чатыр-Дага и Ай-Тодора следовало бы приписать

Основной тезис, который мы выдвигали – христианизированная Таврика в период иконоборчества находилась на проправительственной, и в этом контексте, следовательно, на иконоборческой позиции. То есть иконоборчество проявляло себя в большей степени как политическая, чем идеологическая позиция.

Вопреки пессимизму г-на Байера, мы попытались привести свидетельства археологических источников в пользу нашей точки зрения [1999, с. 100-102; Могаричев 1992, с 85-89]. Не повторяя уже приводимые ранее аргументы, изложим еще ряд соображений, свидетельствующих об отсутствии среди властей и населения Крыма, в том числе и Готии, сильных оппозиционных тенденций и о тесных контактах с Константинополем.

Н.А.Алексеевко, анализируя печати Херсона иконоборческого времени, отметил: “Несмотря на известный тезис о популярности иконопочитания в Херсоне в VII-IX вв., печати чиновников этого времени имеют общепризнанный для всей империи вид: изображение крестообразной монограммы с обращением к Богородице-защитнице”, восстановление же иконопочитания так же нашло отражение в печатях [2001, с. 4].

На Мангупе, в центре “оппозиционной” Готии, легально чеканились монеты с изображением “ненавистных” императоров – Льва III и Константина V и соответствующими иконоборческими символами [Герцен, Сидоренко 1988, с. 127-132], позолоченные подражания солидам Константина V, равно как и оригинальные золотые монеты, обнаруженные в чуфут-кальском некрополе [Кропоткин 1965, с. 114].

не готам, но русам, варягам или скорее их предшественникам” (с. 16). Это действительно новое слово, не отягощенное никакими исследовательскими процедурами. Просто сказано – и все. Подобная легковесность в отношении археологических сюжетов типична для рецензируемой книги. Весьма смело интерпретируются и письменные источники с точки зрения содержащейся в них этнографической информации. Из них извлекается то, чего там нет, опять-таки в соответствии с принципом “мне кажется и я прав”. Например, легковооруженные воины, которых набирали согласно Иордану на службу готы, оказывается были гуннскими наемниками (с. 20)?! Этноним “савроматы” употребляемый Аммианом Марцелином оказывается мог обозначать славян (с. 26). Только при необузданной фантазии можно писать о препровождении гуннов византийцами через северный Крым “чтобы воевать против готов на территории Украины” (с. 30). На этой же и следующей страницах еще есть немало странных утверждений по поводу взаимоотношений готов и гуннов, которые требуют слишком обширного комментария. Ограниченность историографической базы сказывается в подходе к проблеме интерпретации сообщения Прокопия Кесарийского о “длинных стенах” (с. 42). Автор опирается здесь на статью Э.И.Соломоник и О.И.Домбровского [1968], хотя до этого он излагал весьма отличную точку зрения на эту проблему В.А.Сидоренко. К сожалению, г-ну Байеру осталась неизвестна статья Л.В.Фирсова на эту тему, опубликованная в Византийском временнике в 1979 г. (Т. 40), в которой гипотеза упомянутых двух авторов была подвергнута жесткой и справедливой критике. На этой же странице говорится о захвате хазарами Боспора в 581 г., хотя общеизвестно, что хазары в это время еще не появились на исторической арене, тем более в Крыму. Завоевателями же Боспора были турки. Бессистемность в работе с источниками подвела г-на Байера и в области, где он мог бы чувствовать себя достаточно уверенно, – в эпиграфике, тем более в отношении не раз публиковавшихся надписей. На той же с. XVI и на с. 184 автор, ссылаясь на передатировку А.Ю.Виноградовым известной и очень важной для истории Мангупа надписи с 1361/62 г. (по определению Н.В.Малицкого) на 1300/01 г., поспешно соглашается “поставить ее в немного отличный исторический контекст”. Однако, во время встречи в лагере Мангупской археологической экспедиции в июле 2001 г. А.Ю.Виноградов сообщил А.Г.Герцену о том, что при дополнительном осмотре надписи в натуре, он убедился в правильности определения Н.В.Малицкого. Во истину *festina lente!*

Так все же, какая роль была отведена Крыму – места ссылки или бегства? О ссылке сюда иконопочитателей и различного рода оппозиционеров есть неоспоримые свидетельства, о бегстве, даже по г-ну Байеру, только намеки при очень сильных допущениях. А так как одно противоречит другому, то можно заключить, что Крым однозначно ориентировался на центральную власть.

Главным аргументом нашего критика в пользу иконопочитательской версии является Житие Иоанна Готского⁶. Да, действительно, источник сообщает об Иоанне⁷ как об иконопочитателе, которого выбрала паства [Васильевский 1912, с. 396-400]. Однако, давайте внимательно проанализируем источник. Напомним, что Иоанн после своего избрания на три года уезжает в Иерусалим, так как, по мнению г-на Байера, иконопочитательски настроенный претендент не смог стать законным епископом (с. 49). Но если бы в Таврике господствовали иконопочитатели, а это, согласно г-ну Байеру, означало, что Готия была независимой (с. 48-49), то стоило ли Иоанну и пастве вообще обращать внимания на непризнание Константинополем. Как известно, в тех областях, которые действительно были иконопочитательским и не подчинялись Константинополю политически, самостоятельно решались все церковные вопросы, без боязни вето Патриарха. Значит, если Иоанн, “предложенный паствой”, не смог удержаться в Готии и надолго уехал, то не все было так однозначно.

На с. 52 г-н Байер, противореча своим более ранним выводам, сообщает, что Иоанн не смог быть рукоположен патриархом Павлом (в момент своего посещения Константинополя), потому что в Готии уже был законный епископ Никита, назначенный иконоборцами, который “мог быть выдающимся иконоборцем, потому что только преобладание иконоборчества в Готии дало бы ему возможность овладеть своим диоцезом”. Однако, уже в “Добавлении”, противореча сказанному на с. 52, полемизируя с нами, г-н Байер пишет совершенно противоположное: “Возражение Герцена и Могаричева, что “борьба Иоанна и паствы с одной стороны, с наместником иконоборцев с другой, должна была быть одним из основных сюжетов повествования”, а именно в Житии Иоанна Готского – бессильный аргумент. Борьбы вообще не было. Иоанн пользовался защитой готского государя, а Никита сидел где-то в византийской империи, вероятно в Константинополе, и не мог достичь своего диоцеза” (с. 342)⁸. Так все же непонятно, кто же господствовал в Готии, кто возглавлял там церковную организацию, кого поддерживали местные власти?

⁶ Байер приписывает датировку жития вторым периодом иконоборчества А.А.Васильеву. Ни в коей мере не умоляя заслуг известного русского византиниста, отметим, что первым эту датировку обосновал В.Г.Васильевский [1912, с. 427], кстати, в работе которую, как утверждает наш оппонент, он читал.

⁷ Г-н Байер вслед за Карлсоном сообщает, что дед будущего святого после службы в армии вернулся в Партениты (с. 47). Если бы господин Байер внимательно изучил текст источника, он бы там прочитал, что дед Иоанна “родом из так называемого Вона, лежащего в Полемониевом Понте” [1912, с. 396]. То есть, он никак не мог вернуться в Партениты (поселиться, да), так как Крым не был его родиной. Ошибка конечно не существенная, но, учитывая, как г-н Байер настойчиво учит других, мы решили не прощать ему эту погрешность.

⁸ Вообще, создается впечатление, что у г-на Байера нет четких представлений по рассматриваемым вопросам. Поэтому и появляются прямо противоположные выводы. Или он просто ставил задачу по любому опровергнуть точку зрения конкретных авторов, чем в итоге поставил себя в, мягко говоря, неудобное положение.

Возвращаясь к Житию Иоанна Готского, напомним, что в период конфликта с хазарами будущий святой, по новому прочтению М.-Ф.Озепи, был выдан хазарам не “со своим народом”, а “своим народом”⁹ и впоследствии “преследуемый собственным народом бежал в Амастриду” [Васильевский 1912, с. 420]. Это также указывает, что позиции Иоанна, выступавшего с позиций иконофильства, не были столь прочными. Ни в коей мере не противоречит нашим выводам и активное участие Иоанна в восстании против хазар. Напомним, это случилось уже в правление Ирины, после посещения им столицы, когда в империи началась смена политического и идеологического курса. Поэтому естественно, что он мог уже активно выступать со вновь ставшими модными иконопочитательскими идеями, а власти Таврики, в том числе и Готии, как мы отмечали, следовали официальной линии. Вероятно, этим и объясняется упоминание Иоанна в Житии рядом с господином Готии, ибо в том, что он не был официальным епископом, не сомневается даже г-н Байер. Напомним, что Житие написано иконопочитателем в период господства иконоборцев. Как это было принято в подобном жанре, многие факты и сюжеты преподносились в выгодном автору ракурсе.

Все перечисленное выше не дает повода утверждать, что Житие Иоанна Готского указывает на господство в первый период иконоборчества в Крыму иконопочитателей. Да, возможно, здесь были отдельные сторонники этого течения, но говорить об их господстве не приходится. Да и иконопочитание Иоанна, как мы уже пытались обосновать [1999, с. 110-115] и на чем остановимся ниже, носило не столько идеологический, сколько политический оттенок.

Не совсем понятно и замечание г-на Байера, связанное с сообщением монаха Епифания. Напомним, сей монах в период подготовки своего труда “О житии, деяниях и кончине святого и всепохвального первозванного апостола Андрея” путешествовал по местам, традиционно связываемым с апостольской деятельностью святого. Учитывая, что указанный автор акцентировал внимание читателя: “избегая общения с иконоборцами, мы прошли страны и города до Воспора и при этом с великою любовью расспрашивали о местных святых” [Васильевский 1909, с. 266], Ф.Дворник [1958, р. 225], а за ним и другие исследователи сделали вывод, что путешествие Епифания могло состояться только после 815 г. (когда при императоре Льве V Армянине было восстановлено иконоборчество) [Виноградов 1997, с. 25; Чичуров 1989, с. 142; Аузеру 2000, р. 325-326]. Вероятнее всего это случилось в промежутке между 815 (официальное восстановление иконоборчества) и 820 (смерть Льва Армянина) гг. [Виноградов 1999, с. 358]. Известно, что во второй период иконоборчества жесткие преследования монахов и иконопочитателей были только при Льве V, во время правления Михаила II они практически прекратились, а при Феофиле не выходили за пределы Константинополя и ближайших окрестностей [Васильев 1998, с. 381-383; Сюзюмов 1967]. У этого же автора можно прочесть: “Херсаки (Херсонцы) же народ коварный, и до нынешнего дня туги на веру, лгуны и поддаются влечению всякого ветра” [Васильевский 1909, с. 268-269]. (Замечание в отношении херсонитов скорее всего указывает на их приверженность иконоборчеству [Могаричев 1992, с. 93; Герцен, Могаричев 1992, с. 188], с этим согласна и М.-Ф.Озепи [2000, с. 326].) На каком основании нам

⁹ Г-н Байер объясняет нашу ссылку на доклад французской исследовательницы неправильным пониманием ее высказывания. В ответ укажем на опубликованную после выхода в свет нашей работы соответствующую статью М.-Ф.Озепи. Надеемся, ей он поверит [2000, с. 328].

приписывается датировка путешествия Епифания периодом иконопочитания (с. 344-345)? Непонятно! Да, мы со ссылкой на В.Г.Васильевского датировали источник широким хронологическим диапазоном, концом VIII – началом IX в [1999, с. 105], но никогда не относили его к периоду иконопочитания. И абсолютно непонятна логика автора, без всяких доказательств датирующего источник периодом Михаила II. Зачем Епифанию в период прекращения гонений было “избегать иконоборцев и с большим трудом обходить все страны и города”? Как данный текст может намекать на господство в Таврике иконопочитателей, если Боспор однозначно включен в зону иконоборческого господства, а в Херсоне сильны ереси (иконоборчество) (с этим г-н Байер даже согласился)?

Теперь рассмотрим отрывок из Жития Стефана Нового, касающийся иконопочитательской иммиграции в Крым. Напомним, Стефан Новый перечисляет области, якобы неподвластные иконоборцам. Перевод В.Г.Васильевского: “Северные склоны Евксинского Понта, бережные его области, лежащие по направлению к Зикхийской епархии, и пространства от Воспора, Херсона Никопсиса по направлению к Готии низменной” [1912, с. 325]. Перевод г-на Байера: “Расположенные в направлении открытого Гостеприимного моря по епархии Зикхии от Херсона, Боспора Никопсиса и те которые простираются к Готской полости” (с. 337)¹⁰.

В связи с тем, что г-н Байер, меняя свои взгляды, в одном все же месте (с. 339-340) попытался на основании вышеприведенного отрывка доказать, что Крым входил в иконопочитательские области, а упомянутая Готия есть крымская Готия (в отличие от нашей локализации ее на Дунае), рассмотрим указанные географические пункты еще раз. При этом, дабы не смущать “грециста”, попытаемся абстрагироваться от уже упоминавшихся убедительных выводов М.-Ф.Озепи в отношении информации Жития и от уже приводимых нами замечаний по данному вопросу [1999, с. 102-103].

Основным аргументом Байера является то, что данные Жития повторяют сведения, содержащиеся в нотциях № 1 и 2 по Даррузесу [1981], где упоминается епархия Зикхия и входившие в нее епископии Херсона, Боспора и Никопсиса. Отсутствие же в списках Готии следует воспринимать, что нотиции передают более раннее церковное устройство, чем Житие Стефана Нового. Упоминание же в последнем Готской полости означает, по г-ну Байеру, намек на уже существующую епископию Готия.

Данную версию нельзя воспринимать в качестве серьезного аргумента. Да, действительно, г-н Байер верно передает информацию, содержащуюся в первых двух нотциях. Но упоминания Готии нет и в нотиции IV (около 869 г.), а появляется оно только в начале X в. [Науменко 1999, с. 18-19]. Конечно, есть упоминание Готской митрополии в сомнительной нотиции III, однако и она, вероятно, появилась не ранее второй половины IX в. (об этом ниже). Житие же Стефана Нового датируется началом IX в. [Озепи 2000, с. 324]. Таким образом, автор жития в отношении крымской Готии в качестве источника никак не мог иметь нотиции.

¹⁰ В основном переводы схожи. Правда г-н Байер переводит название Готии как полость, а в другом месте – “котловина” (с. 289, 340). Удивляет, почему филолог Байер не объясняет свои выводы. Конечно, можно игнорировать наши филологические познания, но вряд ли кто из исследователей сомневается в том, что крупнейший русский византист знал средневековый греческий не хуже австрийского грециста.

Теперь рассмотрим конкретные географические пункты, следуя за переводом г-на Байера: "пространства от Херсона, Боспора, Никопсиса и те которые простираются к Готской полости". В источнике однозначно сказано "пространства от", а не "области Херсона и т.д.". При этом еще раз отметим, что, по крайней мере в отношении Херсона, все источники указывают на господство здесь иконоборцев. Да и сам г-н Байер двумя страницами ниже отмечает то же, при этом указывая и на близость к Херсону Готии (с. 341). То есть, надо понимать, как отмечали мы и предлагали ранее, земли вне Зикхийской епархии, исключая нее. Далее остановимся на загадочной Готии. Если бы она находилась в Крыму, то вероятно, следуя географической логике, местности должны быть перечислены так "пространства от Херсона, Готской полости, Боспора, ...", ибо Готия находится именно между этими городами. При этом выглядит странным, что источник перечисляет крымские земли, затем переходит к Кавказскому побережью, и снова возвращается в Крым.

Если Готия, а г-н Байер отмечает, что речь в источнике идет о церковных, а не об административных областях, находилась в Крыму, то, естественно, она должна была входить в Зикхскую епархию. По крайней мере в 692 г эти местности составляли одну церковно-административную единицу [Mansi T.12, p. 992]. В данном случае речь идет о подписи под деяниями Трульского собора епископа Херсона и Доранта Георгия. При этом в конце VII в. понятия Готия в отношении Крыма, а это в первую очередь именно церковный термин [Науменко 1998, с. 695], еще не существует. Источник же однозначно разделяет земли этого церковного подразделения и Готскую полость. Более логичным выглядит следующее толкование: земли к востоку от Зикхийской епархии (пространства от Херсона и т. д) и к западу, "простирающиеся к Готской полости".

Что же касается возможности локализации упомянутой Готии в Крыму, то, как кажется, указание на "полость", "котловину", "низменность" полностью позволяет исключить ее из пределов полуострова. Ни у кого не вызывает сомнения, что область расселения крымских готов находилась в горной части, а ее столица располагалась на плато горы Мангуп, на уровне более 500 м над уровнем моря. Вряд ли человек сколько-нибудь знакомый с основами географии позволит назвать юго-западную часть Крыма полостью или котловиной.¹¹ Напомним, что Прокопий Кесарийский определял область расселения крымских готов, страну Дори, как лежащую на возвышенности [с. 200].

На с. 54 рецензируемой работы можно прочитать: "А.Г.Герцен и Ю.М.Могаричев ... не считали достойной исследования нотицию de Voog, в которой в первый раз идет речь о епархии Готии. Они удовлетворились ссылкой на якобы убедительное доказательство А.Л.Бертье-Делагарда того, что нотиция в своей таврической части относится ко времени не ранее XI в., и игнорировали все прочие исследования...". (Отметим, что в "Добавлениях" "забыто" упомянуть, что данной нотиции мы посвятили несколько страниц в более поздней статье, которую г-н Байер так подробно разбирает в связи с другими вопросами). Далее, на основании этого документа, на пяти страницах следуют размышления по ряду вопросов истории Готии и Хазарии, например, что хазары аннексировали Готию политически, а патриархия Хазарию духовно, нотиция насыщена новой информацией о Готии и многое

¹¹ Здесь мы позволим себе предложить любителю цитирования русских писателей XIX в. г-ну Байеру (с. 54), высказывание о географии другого известного русского писателя, немца по происхождению, но великолепно владевшего русским языком, Д.И.Фонвизина: "Это таки и наука-то не дворянская".

другое. При этом автор соглашается с мнением Даррузеса в определении даты документа – от середины VIII до конца IX в. и положением о невозможности на ее основе установления строгих датировок (с. 54-55). Однако в “Добавлениях” он относит документ однозначно к VIII в (с. 341).

Отмечая очередную противоречивость выводов Байера, заметим (не повторяя уже опубликованного нами по поводу нотиции III), что документ, конечно, представляет интерес. Однако с точки зрения методологии исторических исследований, прежде чем делать на основе какого-либо источника далеко идущие выводы, необходимо определиться с его датой, подлинностью и характером. Даже столь почитаемый г-ном Байером Даррузес датировал нотицию в диапазоне порядка 100 лет, считая ее компиляцией, а не официальным списком [1981, с. 32]. По мнению большинства современных исследователей, нотиция была составлена во второй половине – конце IX в. Она представляла собой проект, или его черновой набросок, охвата Хазарии системой христианских епархий [Науменко 1999, с. 12-18, здесь же и историография; Иванов 2001, с. 30-31]. А как известно, “как хотелось бы” и “как было на самом деле”, не одно и то же. Поэтому, конечно, источник можно изучать, анализировать, но основывать на нем далеко идущие исторические построения, особенно в разрезе не “а что было бы если”, а “так было”, вряд ли оправдано даже для филолога.

Теперь рассмотрим отдельные вопросы истории Готской епархии и деятельности Иоанна Готского. Наша гипотеза исторического и церковного развития Таврики [1999] вызвала критику г-на Байера. Он не согласен с предположением, что Готская епархия появилась только в конце VIII в., а подписи готских представителей под деяниями VII Вселенского собора принадлежат представителям мезийского Никополя. По мнению автора, после иконоборческого собора 754 г. жители Готской епархии предложили Иоанна в епископы. Но из-за приверженности иконопочитанию Иоанн не смог стать законным епископом Готии и там властвовал иконоборец Никита. В “Добавлениях” (с. 342) Байер наоборот отправляет Иоанна в Готию под защиту местных властей, а Никите отводит место в Константинополе (см. выше). На Никейском соборе 787 г. присутствовал представитель Иоанна Кирилл, который не по своей воле, одновременно, представлял и иконоборческого епископа Никиту.

Отметим, источниковедческая база, а речь идет лишь о Житии Иоанна Готского и подписях представителей Готии под протоколами собора 787 г., не дает возможности однозначно трактовать те или иные события. С одной стороны, готская епархия появляется в нотициях только в начале X в. С другой, в Житии Иоанн выступает как готский епископ, у которого был еще и предшественник. Присутствовавший на Никейском соборе монах Кирилл называется то представителем Никиты, то Иоанна, то представителем Никополя, то вообще готским епископом [более подробно см.: 1999, с. 106-105].

Обратимся к подписям под протоколами Вселенского собора 787 г. Мы понимаем гипотетичность предположения о связи Кирилла с мезийским Никополем. Как отметил г-н Байер, у данной “подписи, как она здесь передана, нет правильной языковой формы” (с. 52). С одной стороны Никополь никак не может означать имя человека, а с другой, форма фразы не позволяет однозначно трактовать Никополь как топоним. Поэтому в русских изданиях деяний VII Вселенского Собора переводчики передали эту подпись (под протоколом седьмого заседания) как “Кирилл грешный, инок и представитель (Никиты)

епископа Никополя Готского” [Деяния, с. 598], а В.Г.Васильевский посчитал, что Никополь искаженное имя Никиты [1912, с. 416], с чем согласился и г-н Байер. Вряд ли в данном случае, если не будут найдены новые списки, филологические штудии помогут решить проблему. Г-н Байер в качестве контраргумента попытался указать, что мезийский Никополь встречается в упоминаемой нотиции III без всякого указания на Готию. Но можно ли это, учитывая вышесказанное о дате и характере данного списка епархий, назвать серьезным возражением. Напомним, что по отношению к Крыму термин Готия начинает активно использоваться только с IX в. и исключительно в церковной литературной традиции [Науменко 1998, с. 695]. Исключение составляет “Бревиарий” Никифора, датируемый 70-80 гг. VIII в. [Чичуров 1980, с. 147], где упоминается Дорос, лежащий в готской земле [там же, с. 163]. Однако здесь “готская земля” явно выступает больше географическим, чем политическим или церковно-административным пояснением.

Г-н Байер для выхода из создавшегося положения предлагает “теорию”, которая “объясняет все”. Не откажем себе в удовольствии ее процитировать: “Рукоположение Иоанна грузинским католикосом в епископы готов или Готии не было действительным в константинопольской церкви, и Иоанн мог даже быть наказан...”. В Готии в это время правил “выдающийся иконоборец” Никита, побоявшийся явиться на вселенский собор. “Но даже Иоанн, который имел хороший шанс быть выбранным и рукоположенным вместо Никиты, отсутствовал на Соборе... Церковная администрация упорно называла его посланника, Кирилла, представителем Никиты. Но была возможность возвести самого Кирилла в ранг епископа Готии. ...Кирилл, однако, остался верным своему владыке и не согласился с таким решением, как показывает его подпись под актами четвертого заседания. В актах шестого заседания строгие редакторы актов уступили Кириллу немного, пропуская имя Никиты и называя посланника Иоанна только представителем епископа Готии. Но решение вопроса, кто являлся епископом Готии, было нужно, и поэтому редакторы актов принудили Кирилла подписаться как представителя Никиты. Это он сделал с таким отвращением, что искажил имя. Через посредничество посланника епископа готов Иоанна, Никита подписал все установления Никейского собора в пользу иконопочитания и остался епископом Готии” (с. 52-53). Как говорится, комментарии излишни – талант Шекспира блекнет!

Участие Кирилла в заседаниях собора в качестве посланника Иоанна, как представляется, можно исключить. Согласно Житию (третий отрывок по В.Г.Васильевскому), Иоанн в начальный период царствования Ирины (весна – лето 784 г. [1999, с. 113-114]) явился в Константинополь, “здесь он всем говорил со свободой и дерзновением о принятии святых икон во святой кафедральной церкви”. Четвертый отрывок полностью посвящен перипетиям разогнанного иконоборцами собора 786 г. и упоминанию о проведении собора в Никее [1912, с. 396-397]. Однако ни об участии Иоанна, или кого либо из его представителей, в данных событиях нет даже намека. При этом отправка Иоанном послания иерусалимскому патриарху описана весьма подробно, причем названо даже имя посыльного (отрывок 2). Получается парадокс. Житие (а оно показывает Иоанна как борца за иконопочитание) сообщает об участии, прямо или косвенном, Иоанна в различных незначительных событиях предшествующих введению иконопочитания, но об его участии в самых главных мероприятиях молчит. Это может означать только одно – сам будущий святой к этим событиям ни прямо, ни косвенно не был причастен.

Попытаемся установить, следуя аргументам наших оппонентов, если Иоанн действительно был главой уже существующей готской епархии, а не пытался ее создать, как мы предполагали, то возникает вопрос, когда это могло произойти. Судя по источнику, на пост главы епархии он стал претендовать после иконоборческого собора 754 г. Затем на три года отправился в Иерусалим, вернулся в Готию, а затем отправился в Грузию, где и был рукоположен. Теоретически он мог стать епископом в 60-х гг. Мы так же знаем, что Иоанн умер после 787 г [1999, с. 115]. Но на Никейском соборе, даже если допустить, что Кирилл представлял крымских готов, Иоанн ни в каком качестве не отмечен и, следовательно, готским епископом уже не был. Поэтому напрашивается вывод, что Иоанн так и не стал легитимным епископом. Можно, конечно, возразить, что в период Никейского собора Иоанн находился или в тюрьме в Фуллах или в эмиграции в Амастриде. Но это ничего не объясняет. Ибо даже если он физически не мог исполнять обязанности епископа, де юре он им оставался. Как показал И.Соколов "Избрание нового архиерея, – будет ли он в степени подчиненного епископа, или самостоятельного архиепископа и митрополита, – должно совершаться лишь тогда, когда та или иная епархия окажется вакантною вследствие или смерти правящего иерарха, или отречения его от кафедры добровольного, или невольного, на основании соборного решения, или, наконец, вследствие отсутствия его в епархии свыше шести месяцев, когда такое отсутствие не вызывается законными причинами, каковы царское повеление, исполнение поручений своего патриарха и тяжкая болезнь. При жизни же правящего иерарха, или до окончательного его устранения от епархии по соборному решению, поставление нового архиерея не разрешается" [1917, с. 245]. Этот же автор сообщает, что если кто-либо из епископов не в состоянии попасть на свою кафедру вследствие неприятия его народом или нашествия врагов, он может пребывать в другой епархии до соответствующего решения собора возглавляемого митрополитом [с. 227]. По крайней мере, Житие не сообщает о добровольном отречении Иоанна или о соответствующем решении собора.

В связи со сказанным выглядит странным сама канонизация фигуры Иоанна. Он не был законным епископом (хотя Житие его таковым и называет, да и погребен он был не в столице Готии, а в отдаленных Партенитах, на своей родине), не был выдающимся иконопочитателем (по крайней мере, не подвергался за это преследованиям и не участвовал в подготовке и проведении исторических мероприятий, связанных с восстановлением православия), не был мучеником в борьбе с завоевателями (был выдан своим же народом и предан одним из своих селений, к тому же бежал в Амастриду, преследуемый собственным народом. Кроме того, некоторые прихожане считали, что именно по его вине был сдан хазарам Дорос). Однако, если предположить, что Иоанн – первый, кто пытался создать отдельную Готскую епархию [1999, с. 113], тогда может быть объяснима и причина его канонизации.

Как представляется, пролить свет на отдельные события, описанные в Житии, и действия Иоанна может рассмотрение процедуры назначения церковных иерархов. Согласно "Жития Стефана Нового" Константин V сам ставил епископов [1912, Иоанн, с. 406]. Интересные данные содержатся в Житии Георгия Амастридского, основателя самостоятельной Амастридской епархии, близкого Житию Иоанна Готского хронологически и идейно [Васильевский 1893а,б; Шевченко 1975, с. 121-125]. Согласно тексту источника, когда умер старый епископ Амастриды (вероятно, около 790 г.), представители этого города

предлагают Георгию стать их духовным главой. После согласия последнего, он вместе с представителями Амастриды отправляется в Константинополь к патриарху Тарасию, чтобы быть рукоположенным. Патриарх его поддержал. Но у императора был свой ставленник, поэтому было устроено соревнование, где победил Георгий. После чего "он получил затем помазание иерейства и отправился на родину". Амастридская кафедра подчинялась Гангрскому митрополиту. У Георгия с последним отношения явно не сложились. Он уговаривает константинопольские власти создать самостоятельную Амастридскую епархию. Случилось это между 802 и 807 гг. [Васильевский 1893 б, с. 27-35].

Что касается постиконоборческого времени, то здесь существовала сложная система выборов архиереев. Всякое избрание епископа в новый город, связанное с учреждением епархии, подлежало предварительному решению собора или синода константинопольской церкви. Избрание митрополитов и архиепископов совершалось по инициативе патриарха епископами соседних митрополий или митрополитами ближайших областей. Собор избирал трех претендентов, из которых одного утверждал патриарх. Избрание епископов и митрополитов для невисантийских епархий совершалось собором или синодом и утверждалось патриархом. Процедура проходила по следующим правилам. Избрание производилось собранием архиереев той или иной епархии или митрополии, но числом не менее трех. На соборе должны были находиться епископы той епархии или митрополии, для которой совершалось избрание. Собор созывался по инициативе митрополита. Решение собора утверждал митрополит – отбирал одного из трех выбранных претендентов. При этом церковные правила запрещали светской власти принимать участие в выборах [Соколов 1917, с. 244-252].

В отношении Иоанна, если верить Житию, не было соблюдено ни одно из перечисленных условий.

Становится понятной фраза "предложили в пастыри сего преподобного". То есть он мог быть, как мы пытались обосновать, одним из неутвержденных кандидатов на место херсонского епископа. Однако, ему не удалось этого добиться и он попытался создать отдельную Готскую епархию. Вероятно, этим можно объяснить и попытку рукоположения Иоанна в Иверии. Как отмечалось, в VII-IX вв. Херсонская и Боспорская автокефальные архиепископии входили в Зикхийскую епархию и подчинялись константинопольскому патриархату [Гадло 1991 с. 98; Науменко 1999, с. 11-18]. Рукоположение епископов должно было происходить в данной митрополии или епархии, но это могли сделать и в соседней. Видимо, избрать Иоанна в Зихии не было возможностей, тем более, если стоял вопрос о создании новой епархии. Поэтому его рукоположили в соседней иконопочитательской Иверии, как бы подчеркивая его легитимность. После подавления выступления в Готии, вероятно это случилось в промежутке между концом 784 и 786 гг., хазарам удалось установить контроль над большей частью Крымской Готии. Это, в свою очередь, вызвало изменение местной церковной структуры, пытавшейся приспособиться к политическим изменениям, поэтому в горной юго-западной части полуострова в конце VIII – начале IX в. была создана отдельная готская епархия. Личность же Иоанна, иконопочитателя, борца с хазарами, "готского сепаратиста", как нельзя лучше подходила на роль святого основателя.

Удивляет заявление г-на Байера о том, что византийцы не считали завоевание хазарами Готии потерей своей территории. (с. 54, 62). Основанием для такого вывода он

считает отсутствие об этом свидетельств у византийских хронистов, особенно у Феофана (с. 54). Неужели человеку, считающему себя специалистом по византийским источникам, неизвестно, что в византийские хроники не попал не только этот, крайне малозначительный и невыгодный (потеря небольшой территории на северной окраине империи, Херсон-то остался византийским) для империи факт. Например, ими было полностью проигнорировано крещение Руси, да и завоевание Херсона (куда более важного пункта) Владимиром отмечено вскользь. События начала VIII в. (участие жителей климатов, наравне с херсонцами и босфорянами в свержении Юстиниана II, и провозглашении императором Вардана Филиппика [Чичуров 1980, с. 62-65]) однозначно показывают, что данные местности воспринимались ромейскими как самими их жителями, так и хронистами. Этот же вывод следует из факта организации на данной территории фемы Климатов [Цукерман 1997, с. 320; Айбабин 1999, с. 215; Дагрон 2000, с. 297-298; Науменко 1998].

На странице 346 г-н Байер снова пытается оспорить наши выводы. В своих работах, говоря об иконоборческой ориентации Таврики, мы ссылались на письма Феодора Студита [1999, с. 346]. Г-н Байер считает, что раз иконопочитатель Феодор Студит переписывался с архимандритом Готии (это случилось между 821 и 826 гг. [Озепи 2000, с. 329]), то следовательно здесь господствовали иконопочитательские настроения. Подчеркнем еще раз, что мы отмечали в Крыму господство именно политического, а не идеологического иконоборчества. Во-вторых, письма датируются периодом либерального правления Михаила II, когда, как уже отмечалось, преследования монахов и иконопочитателей практически прекратились. И, в-третьих, архимандрит – должность монастырская, а монахи, как известно, в основном симпатизировали иконопочитателям. Нет ничего странного, что готский монашеский чин переписывался с популярным идеологом монашества. Поэтому данный аргумент вряд ли может быть принят. А вот смысл текста писем, особенно письма епископам, сосланным в Херсон, на который мы ссылались, он не пытается опровергнуть. Отметим, что на с. 72 г-н Байер в некоторой степени противоречит сказанному на с. 346. В письме архимандриту Готии упомянут местный архиерей Филарет которому также якобы писал Феодор. Исходя из анализа текста, он делает вывод: “вероятно, Студит не писал Филарету, но сделал бы это только по желанию адресата”. Какая уж тут активная переписка.

Раздел IV своей книги г-н Байер завершает импонирующим ему высказыванием шведского мыслителя Томаса Торильда: “Думать свободно – великое, но думать правильно – более великое”. Эти слова, предпосланные наиболее ценной части книги – переводу поэмы иеромонаха Матфея, вероятно, по мысли автора, могли бы служить своеобразным эпиграфом-сентенцией ко всей работе. Свободных размышлений в ней более чем достаточно, точнее – не обремененных общими правилами комплексного источниковедческого анализа. Так что остается надеяться, что “более великое” еще впереди.

В заключение еще раз отметим, что в рецензируемой работе содержится ряд нуждающихся в основательном разборе положений и “открытий”, провоцирующих, таким образом, продолжение “байеровского цикла”. Надеемся, что в этом жанре себя попробуют и другие специалисты, как задетые некорректными замечаниями австрийского грециста, так и просто пытающиеся установить научную истину.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. 1.
- Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
- Алексеенко Н.А. Христианская символика на печатях представителей херсонской городской администрации // Взаимоотношения религиозных конфессий в многонациональном регионе: история и современность. Тез. докл. Севастополь, 2001.
- Байер Х.Ф. Митрополии Херсона, Сугдеи, Готии и Зихии по данным просопографического лексикона времени Палеологов // Византия и средневековый Крым. Симферополь, 1995.
- Байер Х.Ф. История крымских готов как интерпретация Сказания Матфея о городе Феодоро. Екатеринбург, 2001.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 1 // ИРАИМК. 1921. Т. 1.
- Васильев А.А. Готы в Крыму. Ч. 2 // Известия государственной академии истории материальной культуры. М.; Л., 1927. Вып. 5.
- Васильев А.А. История Византийской империи. Время до Крестовых походов. СПб., 1998.
- Васильевский В.Г. Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. СПб., 1893. Вып. 2.
- Васильевский В.Г. Введение в Житие св. Георгия Амастридского // Русско-византийские исследования. СПб., 1893. Вып. 2.
- Васильевский В.Г. Введение в Житие Св. Стефана Сурожского // Русско-византийские исследования. СПб., 1893. Вып. 2.
- Васильевский В.Г. Хождение Апостола Андрея в страну мирмидоян // Труды. СПб., 1909. Т. 2. Вып. 1.
- Васильевский В.Г. Житие Стефана Нового // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Васильевский В.Г. Житие Иоанна Готского // Труды. СПб., 1912. Т. 2. Вып. 2.
- Виноградов А.Ю. К становлению легенды об Андрее Первозванном – апостоле Понта // Византия и Крым. Тез. докл. Симферополь, 1997.
- Виноградов А.Ю. Апостол Андрей и Черное море: Проблемы источниковедения // Древнейшие государства Восточной Европы 1996-1997. М., 1999.
- Гадло А.В. Византийские свидетельства о Зихской епархии как источник по истории Северо-Восточного Причерноморья // Из истории Византии и византиноведения. Л., 1991.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о Готской епархии в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени возникновения пещерных монастырей Крыма // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Тезисы докладов. Херсон, 1991. Ч.3.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о времени возникновения пещерных монастырей в юго-западном Крыму // Проблемы археологии Северного Причерноморья. Херсон, 1991.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. Иконоборческая Таврика // Византия и средневековый Крым. АДСВ. Барнаул, 1992. Вып. 26.
- Герцен А.Г., Могаричев Ю.М. К вопросу о церковной истории Таврики в VIII в. // АДСВ. 1999. Вып. 30.
- Герцен А.Г., Сидоренко В.А. Чамнубурунский клад монет-имитаций. К датировке западного участка оборонительных сооружений Мангупа // Вопросы социального и политического развития. АДСВ. Свердловск, 1988.
- Дагрон Ж. Двуликий Крым // МАИЭТ. 2000. Вып. VII.
- Деяния Вселенских соборов. Казань, 1873. Т.7.
- Иванов С.А. Миссия восточнохристианской церкви к славянам и кочевникам: эволюция методов // Славяне и их соседи. М., 2001. Вып. 10.
- Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
- Киево-Печерский Патерик. Киев, 1991.
- Кропоткин В.В. Могильник Чуфут-Кале в Крыму // КСИА. 1965. Вып. 100.
- Литаврин Г.Г. Киево-Печерский патерик о работоторговцах-иудеях // Византия и славяне. СПб., 1999.
- Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ Юго-западного Крыма (вопросы классификации, хронологии, интерпретации) // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

- Науменко В.Е. К вопросу о названии и дате учреждения византийской фемы в Таврике // МАИЭТ. 1998. Вып. VI.
- Науменко В.Е. Церковная география Таврики в VII-IX вв. по данным *Notitiae episcopatum* // Крымский Архиеп. Симферополь, 1999. №5.
- Пиоро И.С. Крымская Готия. Киев, 1990.
- Сидоренко В.А. "Готы" области Дори Прокопия Кесарийского и "длинные стены" в Крыму // МАИЭТ. 1991. Вып II.
- Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. №4.
- Соколов И. Избрание архиереев в Византии IX-XV в. // ВВ. 1917. Т.22. Вып. 3-4.
- Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. Киев, 1968.
- Сюзюмов М.Я. Второй период иконоборчества // История Византии. М., 1967. Т. 2.
- Фирсов Л.В. О положении страны Дори в Таврике // ВВ. 1979. Т.40.
- Цукерман К. К вопросу о ранней истории фемы Херсона // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
- Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. М., 1980.
- Чичуров И.С. Литература VIII-X вв. // Культура Византии. Вторая половина VII – XII в. М., 1989.
- Якобсон А.Л. Средневековый Крым. М.; Л., 1964.
- Auzery M.-F. Gothie et Crimée de 750 a 830 dans les sources ecclesiastiques et monastiques grecques // МАИЭТ. Симферополь, 2000. Вып. VII.
- Darrouzes J. *Notitiae episcopatum ecclesiae Constantinopolitanae*. Paris, 1981.
- Dvornik F. *The idea of apostolity in Byzantium and the legend of apostle Andrew*. Cambridge, Mass., 1958.
- Mansi J.D. *Sacrorum consiliorum nova et amplissima collectio*. Graz., 1960. T. 12.
- Sevcenko I. *Hagiography of the iconoclast period* // *Iconoclasm*. Birmingham, 1975.
- Vasiliev A.A. *The Goths in the Crimea*. Cambridge, Mass., 1936.
- Zuckerman C. *Short notes. Two notes on the early history of the thema of Cherson* // *Byzantine and modern Greek studies*. 1997. 21.